

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й № 2 (3968)

Суббота, 3 января 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Беседа нашего корреспондента с главным редактором Гослитиздата А. Пузиковым...

Книги 1959 года

600 НАЗВАНИЙ ТИРАЖОМ 80 МИЛЛИОНОВ

Если бы рабочий план Гослитиздата попал в руки читателей, можно поручиться, что большинство прежде всего заинтересовалось бы разделом подписных изданий...

Какие новые собрания сочинений начнет выпускать в этом году Гослитиздат? Их будет четырнадцать. Но позволить сначала сказать, что нам удалось добиться, наконец, известных успехов в сокращении сроков выпуска подписных изданий...

Русская советская литература будет представлена собраниями сочинений: А. Серафимовича (в 7 томах); А. Фадеева (в 5 томах); предпринятым впервые и содержащим все художественное наследие писателя, а также его статьи по вопросам литературы и искусства; К. Федина (9 томов) — дополненное, в сравнении с 6-томным, новым романом «Костер», а также другими произведениями разных лет; первое четырехтомное собрание сочинений А. Твардовского — его поэтические произведения и художественная проза.

Наиболее полным из выходящих в советское время будет собрание сочинений Шолом-Алейхема в шести томах. Уже объявлена подписка на собрания сочинений Марка Твена (12 томов) и Томаса Манна (10 томов).

Предполагается ли какие-нибудь новые серии или «библиотеки»? Месяца два назад на заседании вашего редакционного совета была утверждена «Библиотека советской прозы», но в плане она не значится...

Пока эта серия — в стадии редакционной подготовки. Необходимо тщательно отобрать действительно самые лучшие произведения современной литературы.

Чем эта серия будет отличаться от «Библиотеки советского романа», не повторит ли она серию издательства «Советский писатель» 1947 года?

Эта опасность нам не угрожает. В «Библиотеке советского романа» было представлено всего 45 авторов, в серии «Советского писателя» — около 120. В «Библиотеке советской прозы» будет не менее полтораста, она значительно разнообразнее и в жанровом отношении: помимо романов, сюда войдут и книги повестей, рассказов и очерков.

На сколько лет рассчитан выпуск серии, и когда вы приступите к ее изданию?

Может быть, первые книги появятся в конце этого года, а вся серия рассчитана на пять-шесть лет.

Не постигнет ли ее печальная участь «Библиотеки мировой литературы»? Три года назад Гослитиздат и вы лично сообщили читателям о том, что будет осуществлено, наконец, это начинание. Задуманное еще А. М. Горьким, но, как известно, ни одна книга до сих пор не вышла.

«Библиотека мировой литературы» — очень сложное издание, требующее подлинно научного подхода, длительной редакционной подготовки ряда новых переводов. Необходимо продумать очередность изданий, сформировать авторитетную редакционную коллегию. Вобщем, что и в нынешнем году нам не удастся приступить к выпуску «Библиотеки мировой литературы».

ГОСЛИТИЗДАТ...

Гослитиздат...

Тем не менее мы ежегодно издаем много памятных отечественной и зарубежной литературы. В нынешнем году появятся лирика и поэмы Низами, поэма выдающегося иранского и таджикского поэта XIII века Саади «Бустан», отрывок из поэмы Фирдоуси «Рустам и Сухраб», киргизский народно-героический эпос «Манас», сборник греческих эпиграмм и другие.

Нельзя сказать, чтобы ответ тов. Пузикова показался нам утешительным. В свое время предполагалось, что «Библиотека мировой литературы» будет состоять из 700 книг. Сколько же времени займет их издание, если на подготовку редакционной коллегии Гослитиздату не хватит трех лет?

Хотелось отметить сборники: французских австрийских новелл XIX века, повестей и рассказов писателей Румынии, Югославии, Бразилии, Индии, антология азербайджанской, латышской, молдавской, гагаустанской, осетинской, эстонской поэзии и другие.

Продолжится выпуск «Библиотеки литературных мемуаров».

В нашей беседе приняла участие главный художник Гослитиздата Т. Вебер. Мы попросили его рассказать об оформлении книг.

Мы всечески стремимся к большей строгости и простоте наших изданий, — говорит Т. Вебер. — Но пока успехи невелики. Мы охотно упростили бы переплеты, отказавшись от надежных всем пышных тиснений, и «одела» бы книги в яркие, красочные суперобложки. Но «одевание» в суперобложку делается вручную, это замедляет производственный процесс, и типографии, как правило, отказываются от суперобложек, в особенности при больших тиражах.

Исклучение составляет типография «Красный пролетарий». Коллектив этого предприятия помогает нам осуществлять экспериментальные художественные издания. Хотелось бы использовать эти искусственные волокна, замши, шпатель, но их нам откупают по такой цене, что переплет обходится вдвое дороже ледерлинового.

Не находите ли вы, что некоторые ваши издания, главным образом антологии, слишком громоздки, а подчас и просто аляповато оформлены?

Вы правы. Мы отключаемся от больших, неудобных антологичных и будем придерживаться нормальных форматов, распределяя материалы в двух-трех томах.

В заключение — две цифры: в годовом плане Гослитиздата около 600 названий книг, общий тираж их — более 80 миллионов экземпляров.

КНИГИ К XXI СЪЕЗДУ КПСС

В небольшой книжке, озаглавленной «Голоса над Невой», собраны стихи почти ста авторов. В большинстве своем это — поэты-профессионалы, а рабочие Ленинграда, участники литературных объединений и кружков. Предисловие — А. Прокофьева, обложка — художника Ю. Петрова. «Голоса над Невой» — одна из книг, выпускаемых Ленинградским областным издательством к XXI съезду КПСС.

Александр МИХАЛЕВИЧ

ДВОЕ ИЗ СЕМИЛЕТКИ

Встреча почти случайная: на вечерний огонек к знакомому мичуринцу пришли двое — мичуринец и рационализатор.

И у хозяина такое ощущение, такое волнение, словно это гости из самой семилетки, самые дорогие гости.

Мичуринец — с юга, Аким Иванович Боник. Старый земледелец, садовод, огородник, лесник. В детстве где-то на Волыни искал стебель жри с колодезьями, — бабушка говорила, что в земле под таким стеблем должно быть золото. Много золота Акимичу тогда и не надо было, но хоть столько найти, чтобы хватило на новые штаны...

А теперь Боник — весь в золоте, золоте пшеницы.

Такой спон привез прямо из Ущелья, что близ Ягты: пшеница и кукуруза, и ветвится. В кукурузе, выросшем из одного зерна, больше тридцати стеблей. В колосе, что пол-ладони занимает, — зерен сто, а то и все сто пятьдесят. Высота снопа — метра два с половиной, растения мощные, как камыши, корни в земле, как у дерева, крепко сидят.

Рад был Боник показать свою пшеницу Анатолию Евгеньевичу Галайчуку — сборщику завода «Точэлектроприбор»: тоже искатель, тоже не ожидает милостей, готовенького, но от техники; мог бы весь этот спон-гигант, как салу, увешать точными приборами, вобравшими в себя десятки предложений изобретателя.

Видите глаза Боника? Так, замечал я, альбино, требовательно, испытывая, скромно и гордо в одно и то же время умеет смотреть, разговаривая с растением, разве что Лысенко...

Видите привлекливую, умную улыбку заводского новатора? По-совому, еще милее для друзей, еще прознее для врагов, прозвучало бы теперь из этих уст незабываемое: «Мы с тобой родные братья, я — рабочий, ты — мужик. Наши крепкие объятия — смерть и гибель для владык»...

Проще бы всего назвать этих людей «беспокойными» — есть, есть такой литературный шаблон: «беспокойная деятельность», «беспокойный характер», «беспокойное сердце», со множеством вариаций. И о Бонике был однажды очерк: «Беспокойный старик». Сам «старик» заметил по поводу такого заголовка мимоходом: — Слово о драчуне каком-то речь...

Да, но в силу какого-то «зуда», некоего отвлеченного «творческого беспокойства» или непосредственного характера эти люди «что-то там изобретают», абы изобретать, абы лапачи, как белка в колесе, перебирать. Продолжая трудиться физически, полные рабочего достоинства, они «соединяют руки с головой»; у них ясная и большая гражданская цель, незаурядная...

Да, но в силу какого-то «зуда», некоего отвлеченного «творческого беспокойства» или непосредственного характера эти люди «что-то там изобретают», абы изобретать, абы лапачи, как белка в колесе, перебирать. Продолжая трудиться физически, полные рабочего достоинства, они «соединяют руки с головой»; у них ясная и большая гражданская цель, незаурядная...

Знаете, что можно сделать с деревом нижира? Попробовал скрепить нижира с шедковней, — добился хорошей морозостойкости, и урожай устойчиво высокий.

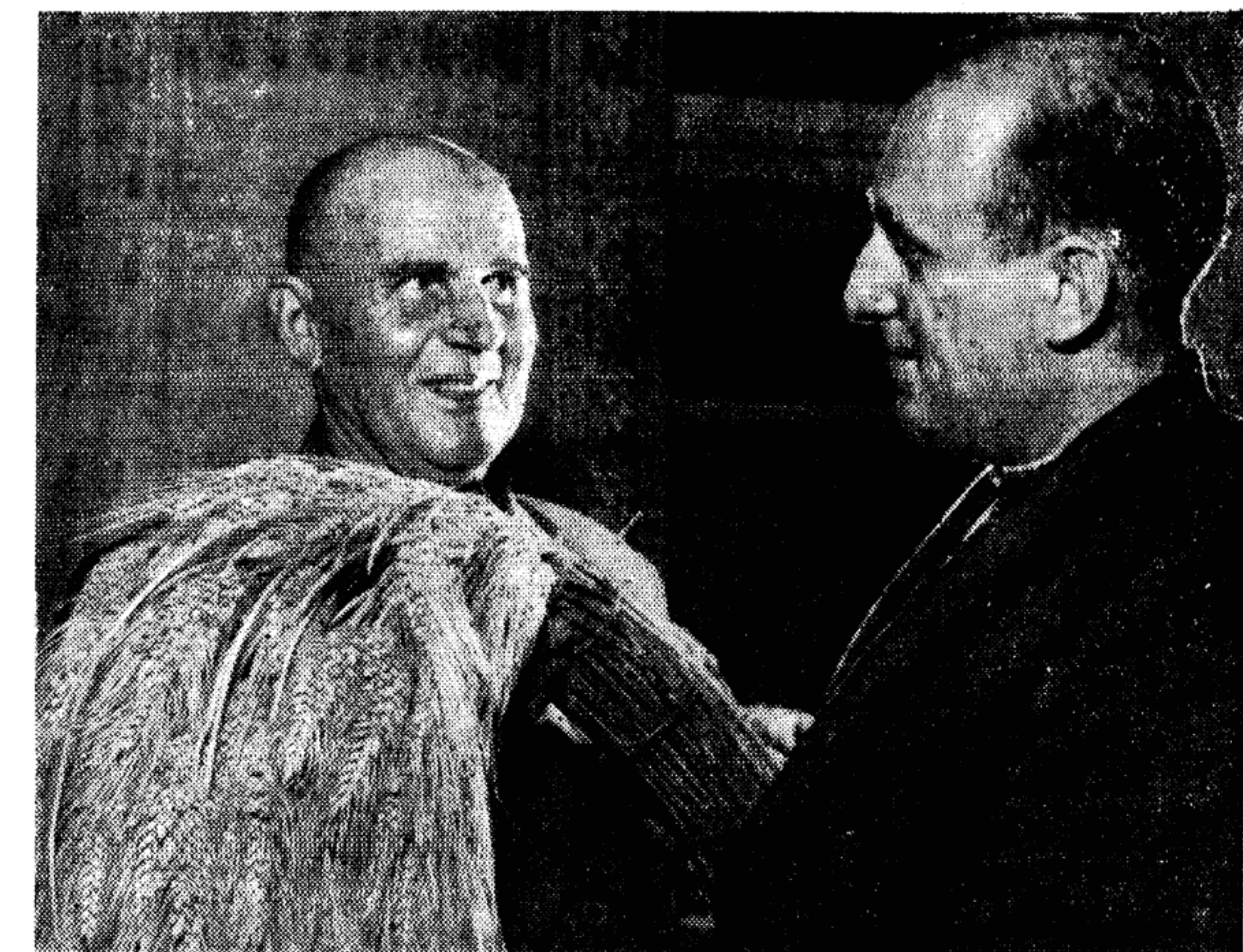
В детстве когда-то, на спор, я воды с топора наполнил. С мороза в хату внос и из железа влагу выдавал. И так мне обидно, что у нас, в ятлинском краю, по воде ходят, а воды не хватает. Все ищут воду только внизу. А ее надо искать и сверху, понимая все течение воздуха, изменения температуры. А особенно — жизнь Ялы. Я там каждую ямку знаю, провалы, все лески, все родники обошел. Но драгоценное богатство это мы плохо бережем, знание родников кое-кто и за науку не считает. Закладывая новые виноградники, злоупотребляем взрывами, сгорясаем, смеем пласты, разрушаем, заваливаем все ходы воды. А если распорядиться с умом и подземной, и воздушной влагой, нашим урожаем края не будет! Не всем нравится, что об этом трубили, на пенсию ушел и тружусь, в печати, на выставках выступаю, но когда же, как не сейчас, руки должны до всего доходить? Вот это, наверное, и есть мои «двести тысяч!»

Начиная Новый год... Радость содружества. ЦЕЛОВЕК от Нового года всегда ждет хорошего. Лично мне хотелось бы в наступившем году быть свидетелем таяния ледяной стены, возникшей между нашими писателями и кинематографистами. Случайные неудачи совместных работ писателей и режиссеров рождают, к сожалению, взаимные упреки и неприязнь.

Но ведь бывали и бываю и другие примеры. Наш коллектив, создавший фильм «Летят журавли», испытал большую радость от работы с драматургом Виктором Розовым. Наша творческая дружба стала такой внутренней необходимостью, что в новой работе тот же самый коллектив не мог бы найти творческого удовлетворения без Розова. И мы опять вместе трудимся над новой картиной.

Большое советского киноискусства не может быть без глубокого раздумья о современности. Эмоциональность, западающая в душу, картина обретает при волнующих мыслях и чувствах, а это может дать только писатель.

М. КАЛАТОВ, кинорежиссер

ДВОЕ ИЗ СЕМИЛЕТКИ

Желанные люди!

Читаем в тезисах к съезду: «Разрабатывая великие планы коммунистического строительства, партия обращается к неисчерпаемому роднику созидательной энергии народа как решающему условию успешного осуществления этих планов».

Нельзя эти строки воспринимать со своим сердцем, вялым сознанием... «Вообще»... Не выходят нынче из головы Боник и Галайчука...

Словно вся невиданная, ожидаемая миром сила семилетки собралась, предстала в них.

Как это убежденно, проникновенно и скромно повторял Боник: — Ну, не будем брать много, а уж в десять раз урожай поднять можно... Кажется, любой культуры... Это во всех условиях проверено...

А у Галайчука — разве не такой же расчет, не такая же убежденность в отношении «урожая» рационализации? Не идет это из ума.

Выиграть время в соревновании с Америкой, с лагерем капитализма, сейчас, на самом решающем этапе этого соревнования, стало железной необходимостью.

А у Боника, у Галайчука как бы уже накоплено, заготовлено, спрессовано, сконденсировано это драгоценное время, ключи от него — в руках...

Все дело в том, что практически взять, как действительно опереться на этот гигантский, ни с чем прежним не сравнимый опыт.

Кто такой сегодня Боник? Земледелец-ученый. Кто такой Галайчук? Рабочий-ученый.

Сегодня это не может быть поводом для «справадной экзотики», для улыбки, для декламации, и притягивания, возникающие на их пути, — не повод для вздоха или подозрительного сочувствия любителям посплошничать «выисканные» конфликты...

Тут ныне «вопрос дела», при этом всеобщего дела, которое касается каждого. У Галайчука как-то было предложение заменить в приборе одну проволоку другой. Затянули реализацию, потеряли возможную экономию, несколько десятков тысяч рублей. Рационализатор на партийном собрании критиковал за промедление, трезво и неотрагично аргументируя:

Медлители потеряли на одном этом предложении сумму, достаточную для того, чтобы одному из наших рабочих построить двухкомнатную квартиру.

Признаемся самокритически: когда мы упорно и достаточно бездумно называли этих людей всего лишь «беспокойными», то мы не только не добивали при этом в глубине характеристики взрослого советского человека, но и в какой-то мере способствовали изоляции и тушению этого «святого беспокойства».

«Спокойный» — хоть поспевайся: «Он беспокойный» — пусть и беспокойте! Ему, мол, так на руку написано! От беспокойного — подалее! У нас дел ходят, а воды не хватает. Все ищут воду только внизу. А ее надо искать и сверху, понимая все течение воздуха, изменения температуры. А особенно — жизнь Ялы. Я там каждую ямку знаю, провалы, все лески, все родники обошел. Но драгоценное богатство это мы плохо бережем, знание родников кое-кто и за науку не считает. Закладывая новые виноградники, злоупотребляем взрывами, сгорясаем, смеем пласты, разрушаем, заваливаем все ходы воды. А если распорядиться с умом и подземной, и воздушной влагой, нашим урожаем края не будет! Не всем нравится, что об этом трубили, на пенсию ушел и тружусь, в печати, на выставках выступаю, но когда же, как не сейчас, руки должны до всего доходить? Вот это, наверное, и есть мои «двести тысяч!»

Мы обязаны в семилетке добиться, чтобы Боник и Галайчука, народные ученые, мичуринцы и рационализаторы, стали самыми желанными людьми, перед которыми спешили бы распахнуть двери в любом предприятии, колхозе, институте, совете народного хозяйства, исполкоме, министерстве!

А почему подчас не открываются так двери? Ищем и в том, и в другом корни и забываем о... психологии. А пора пойти поной на эти потери, потери «от психологии»!

Прислушиваясь к беседе мичуринца и рационализатора: — Есть такая болезнь... Нехорошая... Не умеет еще ее врачевать, как лихорадку, например, победили. Болезнь эта называется — зависть... Представит, скажем, мичуринцев свои растения на выставку — в районе лд, в области. И на-...

Выражению нашего заводского поэта Владимира Сергеева — «отвальцовываются» в бригадах коммунистического труда новые качества человека. Я думаю о моих товарищах, которые после трудового дня отправляются в металлургический техникум; о мастере Матвее Иване Штине, который успешно выступает на занятиях любительского объединения о Мавском; о подручном литейщика Василии Лифанове, не пропускающем ни одной художественной выставки. Все они просятся в книгу...

Ю. КАМЕНСКИЙ, мастер электротехнического завода «Серп и молот»

рог — к нему. А мимо стелда соседнего научно института проходит равнодушно. Да еще поругивают подчас — отстаете, мол! И вот обидается иной тот человек, что на научной должности находится. Начинаются палки в колеса, невнимание, возсь, мол, теперь сам, как знаешь.

А на заводе бывает: неправильно авторитет берегут. Унижают себя и старшего товарища угодиничеством. Вы предложит упрямднить, заменить такую-то деталь? Так ведь ее в свое время сам Иван Иванович придумал! Нет, лучше изобретайте другое, а эту детальку не трогайте!

Но разве мы не выросли сегодня настолько, и разве не стало это в семилетке самой лучшей необходимостью, чтобы всем миром, где нужно, — обзудать, устранить, где можно, — попятиться «перубеждать» любые самолюбия, зависти, косности, злобные страстишки, встающие на пути действительно благородной страсти изобретательства?

Ведь тут уверили недавно, что министр сельского хозяйства УССР М. С. Сливак вместе с Украинской сельскохозяйственной академией готовится совершить по-новому, создавая в своей работе «стиль семилетки», пойти к замечательному опыту народного ученого А. И. Боника. Ренил будто бы министр:

1. Собирать статьи, заметки, доклады, дневники Боника — и о пшенице, и о винограде, и об ижире, и о полуклограммовых яблоках, и об овощах, и о многолетнем табаке, и о родниковом орешнике на юге — и быстро издать отдельными томом.

2. Передать пшеницу, над которой четырнадцать лет успешно работает Боник, в государственное сортоиспытание.

3. Найти реальный путь превращения совхоза «Горный», рядом с которым творит свои чудеса Боник, в своеобразное экспериментальное хозяйство для быстрого внедрения всех оправдавших себя новаторских приемов мичуринца на больших площадях. Есть колхоз — опытная станция по осуществлению системы Маллцева. «Горный» только вытрит, и вытрит весь Крым, весь юг, если совхоз станет совхозом — опытной станцией по осуществлению предложений Боника и других мичуринцев!

4. Лично познакомиться с мичуринцем, найти время самому разобраться в существе его споров и разногласий с некоторыми работниками и в области виноградарства, и в области водоснабжения прибрежного земледелия, и во всем итоге его большой жизни.

И другая хорошая весть нагонет эту. Будто бы председатель Киевского совнархоза П. Я. Лясняк много связывает с предстоящим посещением «Точэлектроприбора». Не только Галайчук уже тут интересен. Галайчук планирует для предложений на 200 000 рублей экономии. Но Галайчук — не один. Есть на этом заводе изобретатель Родон. Его обязательство — сэкономить государству изобретательством 600 тысяч рублей. Что это за светлая голова? И кто такой Голобородько? Он тоже неукем: его цифра — 300 тысяч рублей экономии. Трое рабочих дадут более миллиона экономии! Может ли быть совнархоз владыке от этих рабочих? А там еще есть Твердохлебов, бригадир славной востмерки — бригады коммунистического труда, — у них тоже обязательство: каждый член бригады будет рационализатором. Может быть, это — самое обещающее? Может быть, это прояснит, как ускорить появление в экономическом районе такого предприятия, где не будет рабочих не рационализаторов?

Добрые вести, свершиться этим предположениям поскорее в Новом году...

На рубеже семилетки «сеем — всем посеем» всем мичуринцам, всем, для кого они — желанные люди. Отличным зерном посеваем... Как у Боника!

кнев

на снимке: А. Боник и А. Галайчук. Фото И. ЛИШКО

Главное направление

НАВСТРЕЧУ ПИСАТЕЛЯМ СЪЕЗДАМ

НАША литература, как и вся наша жизнь, идет все вперед и вперед...

Дошли мы и стоим над самым рубежом, началом нового и трудного подъема. Пыль тщетных чаяний с себя мы отряхнем, очистишь мысль и — в путь, великий, незнакомый...

В дали годов теперь нам виден этот склон бесчисленных помех, суровых мук и жажды. Без отступлений путь, в борьбе, в геройстве, — он на всю большую жизнь дается нам однажды.

Это слова Чаренца — одного из лучших поэтов советской эпохи. Еще в 1930 году Чаренц в сборнике «Эпический расцвет» выдвинул перед армянской литературой требование расширить поле ее зрения, теснее связаться с временем.

Изучение, осмысление, отображение главного направления развития действительности, выявление наиболее важных социально-общественных и морально-этических проблем, волнующих людей, а не уход от водоворота жизни в тихие переулки, не стремление к легким путям, — вот что характеризует выдающиеся произведения классической и современной литературы.

Грузинский критик С. Чилая в своей статье «Самое важное» («Литературная газета» от 19 августа 1958 года), говоря о современной теме, междо прочим отмечает, что армянские писатели (Гузжик, как и товарищи их по перу в Грузии) в определенной мере «запаздывают» с созданием образов наших современников. С этим справедливым замечанием нельзя не согласиться. Кто следит за развитием армянской литературы, тот не

может не заметить, что в поэзии нашей чрезмерно большое место занимают воспоминания о далеком детстве и не очень значительные образы — картины узкой тропинки, одинокого дерева и журчащего ручья, что наша драматургия преимущественно не выходит за пределы двадцатых годов, а большая часть наиболее заметных, на мой взгляд, произведений нашей прозы посвящена либо тому раннему периоду истории Советской Армении («Ширак» Ахавни, «Джажда» А. Самиян, «Золотое утро» Л. Гурунда, «Ходенан» Х. Дашгенца, «Господин Петрос и его министры» Н. Заряна), либо так называемой зарубежной теме («Геранг» Г. Севуниа, «В пустыне» и «Поражение» С. Аладжаджаяна, «Раскаленная земля» А. Авакяна и др.), либо представляет собой обработку старинных преданий и легенд. Бывает и так, что, когда заходит речь о современной тематике, в ответ раздаются сетования на минимое ограничение творческих интересов и инициативы.

Разумеется, никто не собирается призывая: «Замкнитесь в своем сегодняшнем, зачем нам жизнь других эпох и других стран». Перечисленные выше книги, повторяем, значительны и полезны. Дело не в противопоставлении одной темы другой: дело в том, что в литературе со всей яркостью должна быть показана прежде всего сегодняшняя жизнь народа, дела и думы нового человека — творца истории, героя, выполняющего собой лучшую историю, героя, выполняющего собой лучшую историю. Безусловно, что, подчеркивая всю важность и первостепенность современной тематики, следует, конечно, ее правильно, без крайностей, понять и не отсчитывать современность от рамки

вчерашнего календарного дня, чем и ограничаться. У нас немало примеров того, как писатели, впопыхах «откликаться» на любой новый факт текущей жизни, как блины, пекут внешне правдоподобные, в сущности искажающие большую социальную-психологическую правду времени произведения. Оперативность бывает разной. Для настоящего, вдумчивого художника это означает искать и осмысливать основную тенденцию развития жизни, находить в многогранности явлений наиболее существенную сторону, быть хозяином наблюдаемых фактов, а не их рабом. Для иного же писателя оперативность — это спешка, источник поверхностности, дурного вкуса и в конечном счете безыделиности.

И все же: правильно бороться против спекуляции на актуальности можно только с позиций защиты, отстаивания актуальности.

КАЖДЫЙ эпоха имеет своего героя, свое мерило для оценки человека. Советская литература завоевала право называться самой передовой литературой мира прежде всего тем, что она показывает человека и судит о нем с позиции поступательного движения истории, революционного переустройства мира, что великий смысл нашего времени она показывает через новую психологию человека. Вот почему наши творческие дискуссии по современной теме сводились в конце концов к вопросу о том, как мы понимаем героя, с каким критерием подходим к нему. В ходе этих дискуссий были созданы, как известно, две схемы — портретированного «идеального» героя и показательно «противоречивой» индивидуальности, — две верные схемы, которые теоретически обосновывают встречающиеся в литературной

Оночание на 3-й стр.)

Оночание на 3-й стр.)

Обсуждаем проблемы семилетки

ДЕЛО, ПОДСКАЗАННОЕ ЖИЗНЬЮ

УТРО жителя Владивостока, как и повсюду в стране, начинается звонком почтальона. Он вручает пачку свежих газет: вчерашняя «Правда», позавчерашние «Известия» и «Комсомолец». Будь это где-нибудь в Туле или Рязани, подписчик, пожалуй, возмущался бы, начал звонить в Союзпечать. А дальневосточник, наоборот, снова и снова лобным словом помнит тех, кто обеспечил ему такую быструю доставку центральных изданий. Ведь еще недавно, всего лишь несколько лет назад, московские газеты приходили сюда на двенадцатый-тринадцатый день, а куда-нибудь в отдаленные таежные поселения попадали и вовсе в конце месяца.

Но дело не только в том, что газеты при этом безнадёжно старели. Сотни вагонов приходилось занимать ежегодно перевозкой этих уже не нужных, опоздавших изданий, расходуя миллионы рублей на расчет с железной дорогой, содержать огромный специальный штат работников, занятых этим делом.

И вот вчерашняя московская газета в руках у дальневосточника. Как же она успела проделать путь в десять тысяч километров за такой короткий срок? Ответ — на четвертой странице, в самом низу, где написано: «Отпечатано в типографии «Тихоокеанская звезда», г. Хабаровск, с матриц, доставленных самолетом».

Простое, казалось бы, дело, а какой всесторонний эффект оно дает!

Но почему таким способом печатаются только газеты? Этот вопрос впервые возник несколько месяцев назад на творческой конференции писателей Дальнего Востока в Хабаровске. Тогда еще не были опубликованы тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде партии и участники конференции не знали, какой крутой поворот в области культуры (и в том числе в книгопечатном деле) намечает партия на предстоящие семилетие. Но уже тогда писатели-дальневосточники зловольно говорили о том, что нынешняя практика книгопечатания Дальнего Востока несправедливо отстает от возросшей потребности для, что пришло время что-то пересмотреть в ней, что-то решительно и смело изменить.

И уже тогда единодушно было высказано предложение: книги на Дальнем Востоке должны печататься так же, как центральные газеты, — с матриц.

Бывают мысли, которые рождаются почти одновременно у разных людей. — это значит, такие мысли подсказаны самой жизнью. Так было и с этим предложением. Не сговариваясь с участниками конференции, это же предложение высказал на своем отчетно-выборочном собрании писатели-коммунисты Владивостока. Об этом же говорили недавно, обсуждая тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева, работники книжной торговли Камчатской области, об этом же шла речь у молодых литераторов Магадана.

ОДНИМ из самых крупных центров бумажной промышленности нашей страны является остров Сахалин. Здесь — на Долинском, Поронойском, Макаровском, Углевском, Чеховском, Должиковском целлюлозно-бумажных комбинатах — выпускаются десятки сортов отличной газетной, книжной и писчей бумаги.

Масштабы этого производства расширяются буквально с каждым годом. В Сахалинском совхозе подсчитали, что по сравнению, например, с 1950 годом выработка бумаги и целлюлозы на острове возросла уже в два раза. А впереди — дела еще более серьезные: ведь в тезисах записано, что в 1965 году бу-

Строки из писем

ЗАИНТЕРЕСОВАННО, всесторонне, обсуждают советские люди тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии. Они вносят ценные предложения, как наиболее полно, рационально использовать экономические ресурсы страны. Наша Родина богата лесами. Но достаточно ли разумно, по-хозяйски они используют? Письма читателей, поступившие в редакцию «Литературной газеты», показывают, что не всегда это так.

«Примерно одна четверть древесной массы от объема заготовленной древесины остается в лесу — это так называемые лесосечные отходы: верхушки, сучки, обрезки, кора и хвоя, — пишет инженер Г. Новиков. Основная масса этих отходов, объемом свыше 50 млн. кубометров, до сих пор сжигается на кострах. Ежегодные затраты на сжигание их составляют многие миллионы рублей».

Использование лесосечных отходов до сих пор, по мнению Г. Новикова, мешало не только в отношении работников лесного хозяйства и лесной промышленности к строительству. Г. Новиков критикует тех инженеров-проектировщиков, которые стремятся к созданию крупных лесохимических предприятий, не учитывая, что в условиях лесной промышленности, где лесосечные отходы сосредоточены на огромных пространствах, предпочтительнее создавать лесохимические предприятия малой мощности — полузаводские установки, размещаемые в местах скопления отходов.

Читатель И. Гостев (Перово Московской области) предлагает вести в семилетний план раздел об охране и восстановлении природных богатств страны. В частности, он предлагает укрепить материальными средствами и квалифицированными кадрами существующие общественные организации, занимающиеся охраной природы; создать на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах первичные организации по охране природы; предусмотреть в хозяйственных планах конкретные мероприятия по озеленению населенных пунктов, по охране насаждений, лесов, водоемов и т. п.

Быстрее и лучше благоустроить наши села, сделать их красивыми, дома строить по лучшим, современным проектам. Этот вопрос затрагивается в ряде писем. «Новые улицы, — пишет В. Яковлев (Сумская область), — должны застраиваться только по плану. Животноводческие фермы и бригадные дворы следует размещать только на окраине селений, а не в центре их, как это сейчас бывает».

Приморский книготорг получает около 30 000 центнеров: Амурский — около 20 000; Магаданский — примерно 8 000—9 000 центнеров; Хабаровский (подсчитано не в тоннаже, а в денежном выражении) — почти на 15 миллионов рублей.

Итак, многие тысячи центнеров. Десятки железнодорожных составов, которые можно было бы заполнить другими, не менее важными грузами. Миллионы рублей, вылетающие в воздух вместе с паровозным дымом!

А НЕ ПРОЩЕ ли было бы построить здесь, на Дальнем Востоке, крупный полиграфический комбинат и все важнейшие издания — учебники (в особенности учебники — их на Дальнем Востоке требуется ежегодно десятки миллионов экземпляров!), брошюры, наиболее интересные и пользующиеся широким спросом романы, повести, сборники стихов — все это печатать здесь с матриц, доставленных из Москвы или Ленинграда?

Это говорит начальник Приморского крайполиграфиздата тов. Марьянчук. Он достает толстую, изрядно потрепанную папку:

«Мысль, которую высказали писатели, не нова. Вот переписка: мы ее видели уже несколько лет, доказывая целесообразность строительства такого комбината».

Куда только не адресованы эти письма! И в министерство культуры союзное, и в министерство республиканское. И в Совет Министров РСФСР, и в Госплан... Хороши письма — подробны, взволнованы, обстоятельны, одно только плохо: нет на них ни ответа, ни привета!

А зря! Доводы и расчеты, приведенные в них, право же, заслуживают внимания. Кроме печатания с матриц, такой комбинат (мощностью примерно в 250—300 миллионов листов-оттисков в год) мог бы выполнять и работы по изданию, например, научных трудов. В Дальневосточном филиале Сибирского отделения Академии наук СССР уже не первый год лежат важнейшие работы объемом в общей сложности свыше 500 авторских листов, а местное издательство способно выпускать в год лишь 30—35 листов таких трудов. — Иначе пришлось бы откалывать от издания другой литературы».

После долгих хлопот дальневосточным ученым удалось «прислать» в пять издательств других краев и областей страны еще 170 авторских листов. А триста все равно так и останутся неизданными!

Общественность края высказывается сейчас за то, чтобы и некоторые массовые журналы печатались для Восточной Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока тоже не в Москве, а здесь, вблизи от подлинников, и от сахалинских бумкомбинатов.

Правда, в Хабаровске в предстоящем семилетии предполагается строительство крупного полиграфического предприятия. На него и ссылаются во всех инстанциях, куда не раз уже обращались работники Приморского крайполиграфиздата. Но ему, этому предприятию, когда оно будет построено, в пору будет управлять только с изданиями местных издательств, год от года увеличивающих свои планы, но не имеющих собственной полиграфической базы.

ДА, НУЖНОЕ это и важное дело — создание крупного полиграфического центра на Дальнем Востоке, — самой жизнью оно настоятельно складывается сегодня. И хочется верить, что при окончательном обосновании и утверждении контрольных цифр на предстоящее семилетие голос дальневосточной общественности будет наконец услышан.

Владивосток

Силач на ладони

ЕСЛИ бы на ладонь вашей руки вару опустили двигатель, не превышающий по размеру фланца с чернилами и мощностью в... полторы лошадиные силы, вы были бы крайне удивлены. Именно с чувством удивления знакомится люди с малогабаритным двигателем конструкции Б. С. Блиннов.

В творческой биографии этого инженера создание таких оригинальных двигателей заняло более двадцати лет.

Вот один из представителей этого «семейства» двигателя. Весит он всего 390 граммов. При 6 800 оборотах в минуту развивает мощность в 1,5 лошадиные силы. Для приведения его в действие используется дешевое дизельное топливо — соляр. Двигатель расходует в час 450—480 граммов этого горючего.

С помощью такого двигателя изобретателю удалось построить роллер, который развивает скорость 45 километров в час. Двигатель-малютка вполне пригоден в качестве лодочного-байдарочного мотора и может приводить в движение электрический генератор мощностью до одного киловатта.

Инженеру Б. С. Блиннову также удалось разработать серию малогабаритных двигателей другого типа мощностью 2,5, 10,2 и 50 лошадиных сил.

А. Л. ГРИГОРЬЕВ
На снимке: инженер Б. С. Блиннов (справа) демонстрирует в Центральном Доме журналиста двигатель-малютку.
Фото В. ЛЬВОВА

КОГДА ДРУГ В БЕДЕ

СНЕЖНАЯ пурга в Казахстане — не редкость. Но такого лютого бурана, какой разразился в Кустанайской области, не помнят даже старожилы. Белый ураган вынул стелю, провалил дороги, и горе было тому, кто оказался в это время в степи.

Дворян целинного совхоза имени Лермонтова в Урюкинском районе, Кустанайской области, Таисия и Валентина Бослаевы, Анна Шмырь, Полина Тихоненко шли из совхозного поселка к ферме и сбивались с пути. Случайно они натолкнулись на застрявший в сугробе грузовик и решили переждать бурю в открытом кузове машины. Убежище ненадежное: за невысокими бортами грузовика невозможно было спастись от пронизывающего ветра, ни тем более, от мороза. Девушкам угрожала смертельная опасность.

В совхозе встревожились. Отряд механизаторов вызвался поехать на тракторах в степь, на поиски.

Елеглий этот был путь. Четыре часа трактористы колесили по степи, преодолевая круговой натиск разбушевавшейся стихии, пока не разыскали замерзших девушек. С уважением и благодарностью называют в совхозе имена этих мужественных людей — трактористов Г. Кирьячкова, В. Урсова, Л. Ткаченко, Н. Заика, заведующего мастерской А. Шаповалова, механика Н. Полюкова и нормировщика Б. Едгагазина. В каком состоянии они были сами, не трудно себе представить, но они не повернули назад, пока не нашли товарищески.

Примеры такого товарищества встречаются в нашей жизни очень часто и воспринимаются как естественное проявление взаимной выручки — обычного дела в жизни любого коллектива.

НО БЫВАЕТ и иначе. Тяжелое чувство вызывает безобразное проявление эгоизма, холодного бездушия. Не так уж часты эти проявления, но они всегда приносят немалый вред людям, а порою приводят и к трагическим последствиям.

Обыватели и себялюбцы хорошо знают о правах, предоставляемых в нашей стране трудовому человеку. Как должно, они принимают помощь государства, заботу коллектива, а когда им прийти на помощь товарищу, пожертвовать при этом хоть на миг своим покоем, благополучием, удобствами, они становятся глухи и немые. Законы социалистической морали для них не писаны.

Однажды молодой челюбинский рабочий П. по собственной неосторожности получил смертельные ожоги кипятком. В течение нескольких месяцев шла напряженная борьба за его жизнь. Десять товарищей по работе дежурили возле его постели, отдавали для вливания свою кровь, кожу для пересадки, поднимали на ноги город, чтобы доставить лекарство, следили за тем, чтобы у больного не перевелись фрукты и многое другое, что требовалось для укрепления его сил. Заводской коллектив не жалел ни времени, ни трудов, ни денег, чтобы спасти рабочего.

Товарищи одержали победу над смертью, человек вернулся в строй. И как же был поражен коллектив, когда П., поправившись, проявил чудовищную неблагодарность по отношению к тем, кто его спасал от смерти. Он отказался позаботиться о тяжело заболевшем товарище — одним из тех, кто отдал ему часть своей кожи!

— Я не сиделка, чтобы ухаживать за ним, — заявил П. И когда друзья осторожно напомнили ему, как спасали его самого, он, глядя куда-то в сторону, без какого-либо внутреннего смущения забубнил:

Метр подробно описывает лужайку в лесу, эпитон — все лужайки, метр — одежду героя, эпитон — и то, что лежит у героя в кармане...

Если б мы хотели увидеть работу эпитонов эпитонно, осязаемо, то надо обратиться к мозгам. Например, клеш на мужских бровях, появившихся в годы первой мировой войны, был довольно скромным, сдержанным. Но тогдашние стилисты (эпитоны тех!) разогнали его до размеров юбок, носимых на каждой ноге. Береты начала тридцатых годов женщины надевали чуть набок. Но люди плохого вкуса старались увеличить эту кокетливую подробность, и берет, когда пришло время, кончил свою жизнь в провинции, находясь уже в откровенном состоянии: хитрой прищипкой местные кокетки прижимали его к уху.

Если бы эпитоны были в технике, то мы, вероятно, имели бы иголки с двумя шпиками: иسهпающие утюги; автомобили с пятью колесами (а велосипеды — с одним!); канавкокопатели, прорывающие пропасти, будильники с пушечными выстрелами и т. д.

Наталья Юнчурова чуть-чуть косила глазами, и по словам современников, это придало ей еще большее очарование. Ее же сестра Екатерина косила сильно, и это, конечно, не придало, а отняло. Так сама природа показывает грань меры и чрезмерности.

Литературный слух

В 1880 году, в марте месяце, в малопримечательном журнале «Стрекоза» была напечатана довольно примечательная заметка-шутка под длинным назва-

— Ну и что ж такого — каждый человек у нас имеет право на то, чтобы его лечили...
Его спросили, как же он представляет свои обязанности по отношению к коллективу? П. лишь неопределенно пожал плечами. — Как видно, он никогда даже не задумывался, хотя повод для глубоких размышлений у него был.

Коллектив не осудил публично П. — а напрасно. Меньше было бы у нас проявлений черствости, душевного уродства, если бы общественность не оставляла их безнаказанными, привлекая бы к суровому ответу тех, кто грубо попирает законы товарищества, равнодушием своим наносит порой непоправимые беды людям.

ВТОТ самый день, когда механизаторы совхоза имени Лермонтова на обледеневших тракторах искали в степи девушек-доярков, в поселке Веселый Подол той же Кустанайской области совершился не такой, о чем нельзя говорить без скорби и негодования.

В небольшом домике бывшего учителя Н. С. Бурдакова жили три молодые учительницы — Н. Горнова, Л. Кириллова и Г. Умерова.

В утро, когда начался ураган, подружки поднялись, как всегда, рано и стали собираться в школу. Нина Андреевна Горнова преподавала математику и заведовала учебной частью. Она потуже повязала платком, плотнее запахнула свое городское пальто и сказала подружкам:

— Я иду, девочки, а вы пока оставайтесь дома. Если ребята не соберутся из-за бурана, я вернусь, и вам не придется брести в школу в такую непогоду.

Собралась только тринадцатилетняя ученица Нина Андреевна решила провести консультацию по математике с десятиклассниками.

А пурга тем временем усилилась. Стенка в двойных оконных рамах звенела от ударов ветра. Проводив учеников, Нина Андреевна пошла домой. Поселковая улица, по которой она шла, — широкая, из-за снежной бури не было видно ни домов, ни заборов. В этой колдовской девушка прошла мимо своего дома и оказалась в открытой степи. Долго ли она боролась с пургой, о чем думала в последние часы своей жизни, — кто может сейчас сказать... Одно несомненно — она надеялась, что ей помогут, что на выручку ей поспешат друзья, потому что законы товарищества всюду ей сопутствовали.

И друзья пытались это сделать. Обеспокоенные тем, что Нина Андреевна долго нет, Л. Кириллова и Г. Умерова вместе с хозяйном дома Н. С. Бурдаковым поехали в школу, думая, что она задержалась там. Идти им было очень тяжело, — кто не знает казахстанской пурги, тому трудно вообразить себе, как она валит людей с ног, крутит их на месте, слепит глаза так, что человек не видит перед собой ничего, кроме снежной мути. Н. С. Бурдаков, страдавший туберкулезом легких, почувствовал онемение, чтобы преодолеть слабость и удушье, но друзей за молодую учительницу, ко дню рождения которой товарищи как раз готовились — завтра ей должно было исполниться двадцать три года, — не позволила даже этому большому человеку увидеть дома.

Тревога усилилась, когда выяснилось, что в школе никого нет.
Учительницы поехали к директору школы Я. П. Хмелью.

— Надо пойти искать Нину Андреевну, надо немедленно собрать людей! Но Я. П. Хмель, небрежно выслушав посетительниц, наставительно изрек:

«Что чаще всего встречается в романах, в повестях и т. п.?»
Ниже приводились литературные штампы того времени. Они приводились в ряд, но их легко разделить на три группы. Вот некоторые примеры из этих групп.

Штампы в описании героев:
«Слуга — служивший еще старым господам, готовый за господ лезть куда угодно, хоть в огонь».
«...графия со следами когда-то бывшей красоты...»
«Доктор с озабоченным лицом, подающий надежду на кризис; часто имеет палку с набалдашником и лысину».
«Герой — спасающий героиню от взбешенной лошади...»
«Белокурые друзья и рыжие враги» и др.

Штампы сюжетно-композиционные:
«Нечаянное послушанье, как причина великих открытий».
«Семь смертных грехов в начале и свадьба в конце».
«Штампы стилистические:
«Дитя некресные, но симпатичные...»
«Собака, не умеющая только говорить...»
«Тонкие намеки на довольно толстые обстоятельства».
«...Сосед-барон», «тетка в Тамбове», «...револьвер, не дающий осечки» и др.

Что же было примечательного в этой заметке-шутке? А было то, что тысяча людей, из которых многие обладали хорошим вкусом, нередко попадали в руки второсортные, написанные малыми талантливыми авторами романы и повести, и как-то не замечало, не удивляло, что из одного произведения в

— Чем панику поднимать, лучше обойти соседние дома, — Горнова вполне могла зайти по дороге к кому-нибудь погреться.
— А если нет?..
— Тогда идите к председателю поселкового Совета.
Не веря своим словам, стояли учительницы перед этим молодым человеком. Тот ли это Хмель, что с таким албомом выстукает на собраниях и совещаниях, поучая и наставляя других, рассуждая о долге и взаимопомощи?!

ПОДЕРЖИВАЯ друг друга, девушки и Н. С. Бурдаков шли от дома к дому и всюду слышали одно и то же:
— Не была у нас Нина Андреевна. Отчаявшись, они направились в поселковый Совет, к председателю П. С. Ильешеву. Ведь можно же вызвать на поиски учительниц людей, дать машины! Разве кто-нибудь откажется?
Но председатель равнодушно посоветовал поискать еще по домам. Зашел в два-три дома и сам, а потом отправился к себе домой, полагая, что сделал все, что мог, и совесть его может быть спокойна.

Н. С. Бурдаков и учительницы опять пошли к директору школы: если председатель поселкового Совета откажется, пусть пойдут к товарищу Нине Андреевне, — но могут сдаться слова руки, — надо самим организовать поиски. Хмель уже знал, что Горновой в поселке нет, но ничто не дрогнуло в его душе, словно дело шло не о человеческой жизни, а о сущей безделице. Он отмахнулся от встревоженных друзей Нины Андреевны.

На следующее утро, когда пурга утихла, учителя и ученики старших классов пошли в степь и недалеко от поселка нашли учительницу мертвой.

ОТОГРЕЛИСЬ девушки-доярки в совхозе имени Лермонтова, жизнь пошла своим чередом и у них, и у их товарищей, так мужественно борющихся вчера с ураганом.
Так почему тут же, неподалеку оказались люди, забывшие о своем товарищеском долге!
— Душа горит, как подумаетесь... — сказала у гроба учительницы пожилая колхозница.

Да, горит душа! Директор школы Хмель, председатель поселкового Совета Ильешев с точки зрения уголовного, может быть, и не совершили преступления. Но есть еще в нашем обществе другой вид ответственности — перед коллективом, перед собственной совестью!

Встретилось ли руководителей органов народного образования в Кустанайской области, что директор школы Хмель проявил чудовищное бездушие к товарищу? Нет, не встретилось. Записали: «стихийное бедствие» — и все.

Дала ли оценку партийная организация преступлению председателя поселкового Совета Ильешева, оставившего человека без помощи в смертельной опасности? Нет, Ильешев пребывает в полной уверенности, что никакие претензии к нему предъявить нельзя — в поисках учительницы он лично обошел несколько домов...

Совесть неотделима от чувства ответственности, и воспитывать ее в человеке надо высокой требовательностью, честной и беспощадной оценкой его поступков.

С позиций такой высокой требовательности, с позиций социалистической морали виновники трагической истории, происшедшей в казахстанской степи, заслуживают самого сурового осуждения.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА,
Г. УСАЧЕВ

Вечера в гостинице

От автора

ПРЕБЫВАНИЕ в городе Н. складывалось так: в дневные часы шло областное совещание по вопросам литературы, а вечером в гостиницу в приехавших из Москвы товарищах по профессии приходили молодые литераторы. Завязывались разговоры уже не столько по прочитанным рукописям, — о чем говорилось днем, — сколько вообще о подробностях, о частностях нашей общей работы.

Я записал некоторые из этих бесед — переходящих с одного на другое — разговоров.

Наедине с книгой

...Случается, что, получив пригласительный билет, мы отправляемся на вечер, который, мы наперед знаем, будет скучным и нудным. Но неудобно не пойти — все ведь придут.

Случается, что мы встречаемся, поддерживаем приятельские отношения с людьми, мало для нас интересными. И неудобно иначе — давно ведь знакомы.

Попав на плохую кинокартину, на плохой спектакль, мы обычно досаживаем до конца — как-то неудобно уйти...

Но вот вы берете в руки книгу — роман, повесть, сборник рассказов, — остаетесь с ней наедине, и тотчас всякие «неудобно» отпадают. Все просто: если книга интересна, вы ее читаете, если нет, — откладываете. Никакие силы и соображения — внешние или внутренние — не могут заставить вас читать неинтересное. Да и легко, просто оправдаться перед любым гувернером.

— Помилуйте, дорогая! — скажете вы. — Ведь человек, дожив даже до ста лет, так и не успевает прочесть все интересное для него! Зачем же я буду еще читать то, что бледно, скучно, вяло,

Николай МОСКВИН

что никому не нравится?! Ведь второй жизни мы не дано...

Но, увы, этот довод для некоторых из нас, литераторов, не кажется убедительным, и выходит книги, которые, так и чувствуется, написаны не для обычного читателя, испокон веков любящего найти в книге какое-то — широко понимаемое — удовольствие для себя, а для некоего воображаемого служебного лица, для некоего регистратора, ставящего в какой-то — тоаке воображаемой — ведомости «галочки», обозначающие: «ест» — нет», «отображено» — не отображено», «затронуто» — не затронуто».

Не эти ли серые, никого не радующие книги породили невеселую шутку о «волевом читателе»? Но если быть человекомобычным, то надо и «волевого» почитать — всем хочется читать интересное.

Об общедоступности

Говорят, что истинное искусство общедоступно: каждый и всякий поймет и оценит его. Да, конечно, однако не в равном объеме поймет, в неравном объеме оценит. Степень восприимчивости, душевной тонкости, степень жизненного опыта, несомненно, скажется тут. И подумается, что в одном и том же предмете искусства один поймет и оценит только какую-то часть, другой — более значительную часть, третий — еще большую и так далее.

Следовательно, можно ли говорить о простой и легкой общедоступности? Равной для всех общедоступности? Можно проследить на примере. Пятнадцатилетний мальчик, читающий, скажем, сцену скачек в «Анне Карениной», поймет и оценит переписки самих скачек: одна лошадь вырвалась вперед,

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТРУДЕ

друзья — отстала, Фру-Фру падают, рыжий жеребец Махотина обгоняет ее...
Через десять лет тот же читатель той же сцены, помимо картины скачек, почувствует еще смутные, беспокойные Анны. Еще через десять лет тридцатилетний человек на тех же страницах, кроме скачек и Анны, найдет, примет к сердцу ревность и страдания Каренины. И так далее...

И кто знает, может, все очарование упомянутого эпизода на скаковом поле (да и всего романа), весь художественный образ его будет по-настоящему понят и оценен в еще более зрелые годы.

Речь идет не только о возрасте, то есть о ступенях душевного восприимчивости читателя. Ведь встречаются люди, которые и в сорок лет ничего, кроме лошадей, переживающих и отстающих, не видят в приведенном эпизоде.

Если так, если искусство не всем и каждому открывается в полном объеме, то есть ли разница между истинным искусством и искусством неистинным — формалистическим, абстрактным и т. д.?

Да, конечно! Первое — истинное, хотя и в неравной мере, но понимается, ценится каждым; второе — в равной мере никому! (Если, конечно, не считать всевозможных самоутешительных и самоуспокоительных утверждений «знающих»).

Эпизоды

...Слово это означает «творчески самостоятельный последователь», но лучше его перевести как «преувеличитель», ибо именно преувеличением эпигон выдает себя. Метр, например, пишет короткой фразой, и ему, предположим, ставят это в заслугу. Его ученик — эпигон — тотчас начинает сочинять фразы еще более короткими, кратчайшие. Или другое: метр употребляет громоздкие периоды — его эпигон заткалывает периоды тяжелее, «с перекуром».

Картина художника Ван Шен-ле, Китай. «Восемь героинь бросаются в реку».

Дневник ИСКУССТВ

Большой успех международной выставки

ЗАСЛУЖЕННЫМ успехом пользуется выставка произведений художников двенадцати социалистических стран. Со дня ее открытия в Центральной выставочной заат хлынули потоки зрителей. За несколько дней декабря здесь побывало около пятнадцати тысяч посетителей. Вчера и позавчера десять тысяч человек познакомились с творчеством художников, участвующих в выставке. В ближайшее время ожидаются экскурсионные группы из ГДР, Болгарии, Польши, Чехословакии. В скором времени будут вывешены красочные альбомы о выставке и репродукции.

Веселое приключение

ВОДЕВИЛЬ... Еще несколько лет тому назад этот жанр казался подозрительным некоторым нашим критикам, теоретикам, режиссерам и зрителям театров. Как будто право на веселье, смех, радость не есть неотъемлемое право советских людей, как будто жанр водевиля не может быть одухотворен нашими светлыми идеями, как будто социалистический реализм не предполагает огромного многообразия жанров и свободы художника в выборе форм и средств отражения жизни!

Сцена из 2-го акта пьесы «Динари» исполнители роли артисты Г. Вицин, В. Васильев и Ю. Медведев. Фото А. Гладштейна.

Главное направление

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
практике отступления от высоких принципов социалистического реализма.

Точка зрения сторонников «страдающей», «сомневающейся», обязательно «противоречивой» индивидуальности приносила ущерб всему самой индивидуальности героя. Всего богатства и многосторонности его внутреннего мира она не замечала, а выделяла незначительные, второстепенные душевные противоречия и мелкие личные страсти. Некоторые прозаики, следуя этой точке зрения, сблизил с идеями позиций высокого искусства на скользкую дорожку «развлекательского» сочинительства. Ярким выражением такого эстетического заблуждения явился у нас роман М. Аслаяна «Ашкен Сатян», резко раскритикованный армянской литературной общественностью. Рисую образы разбитых людей, живущих скучной жизнью, людей, столь хорошо знакомых по другой беллетристике прошлого, автор увлекся мелочами быта и в конце концов свалился на натурализм. В романе, несомненно, имеются элементы правды, но ведь морально разложившиеся люди, которых описывает Аслаян, представляют собой преобладающую сторону правды; большой, настоящей, полной правды жизни в книге не видно. А деревенская поговорка мудро гласит: «Полуправда — та же ложь». «Страдающая», «приветливая» индивидуальность... Мне представляется, что теоретической почвой таких ошибочных тенденций в значительной степени являются пережитки, быть может, молодым писателям и незнакомой теории «живого человека», получившей широкое распространение в двадцатые годы. Ограничивая задачу художника рамками так называемых «живых переживаний» героя, пренебрегая социальной сущностью человеческого характера и фетишизируя его эмоциональную сторону, эта теория отрывала человека от общественной среды, от внешних и внутренних социально-психологических связей.

Даровитый писатель О. Гукасян, создавший в прошлом правдивые книги «Маленькие мстители» и «Записки Га-

сана», выступил в последнее время с произведениями, отмеченными той же тенденцией. Вот его повесть «Неоконченная история».

...В мирную семью, живущую тихими мечтами и «сказками» о своем приятном будущем, попадает молчаливая зараза в лице артистки Зины — жены известного хирурга Завена Базазяна. И все в доме переворачивается. Нарушается былое спокойствие. Из-за Зины терять друг к другу доверие любящие братья (Тигра на обвиняют в краже свадебного браслета жены Завена), еще недавно гостеприимный дом теперь закрывает свои двери перед соседями, гибнет счастье единственной дочери Базазяна — Амалии, бывший переводчик производит Тигра на начинает пьянствовать, глава семьи — отчаивается, не сумевшего вынести тяжесть всех этих передряг, разбивает паралич. Словом, жизнь поломала «течение свое», и остается лишь... вспомнить прошлое — счастливые дни сказок «бабушки Зины». И уж не говорю о необоснованной непереносимости мещанина Зины, но ведь вот так характерно: положительные идеалы этой семьи сводятся к «честным правилам» старинки. Они стоят друг друга — положительные герои и отрицательная героиня. И в результате появилось произведение, где автор не сумел подняться над фактами, остался на их поверхности и потому оказался не в состоянии ответить на вопрос, для чего он приуменьшил всю эту историю, какую правду, какую идею хотел утвердить. Может быть, его извлекла сама необычность «индивидуальности» рассказанной истории? Да, мы стоим за живую индивидуальность героя, за его неповторимость, мы против схем и избитых конфликтов, но мы не забываем, что «индивидуальность» художественно правдива лишь в том случае, когда человек не отрывается не только от своей среды, но и от всей жизни, когда в герое отражаются содержание времени, когда избранные писателем конфликты основаны (или хотя бы соприкасаются) на главных тенденциях развития нашей действительности.

Книги, посвященные нашему времени, вызывают живой интерес читателей. Этим объясняется успех романа молодого писателя Богдана Вердяна «Как приходит счастье». В нем поговорится о труде и борьбе людей одного завода. После неудачи, постигшей лет десять назад так называемые «производственные» романы, наблюдалась боязнь этой трудной темы. Лед молчания у нас разбил Б. Вердян. В его книге конфликт возникает между новатором производством, с одной сторо-

ны, и бюрократами, самодовольными честолюбцами или просто людьми, не понимающими духа новаторства, — с другой. Кто-нибудь, возможно, скажет: «А, опять «новатор-консерватор!». Скажет и ошибется, ибо здесь похолодевшие затронуты Б. Вердяном проблем объясняется не книжным «эпизодом», а закономерностями развития нашей жизни.

Так же обстоит дело и с романом А. Секоян «В золотых ложах», который похвалит о жизни современной сельской молодежи, о ее труде и борьбе. Надо сразу же сказать, что не всегда замыслы молодого автора выражены с достаточной художественной убедительностью, что не все отмеченные им явления осмыслены сквозь призму живой идеи, но в целом роман «В золотых ложах» является удачей автора.

Не имея возможности в данной статье коснуться всех сторон романа, считаем необходимым подчеркнуть значительную удачу автора, в частности в характеристике образов молодежи. Это обстоятельство приобретает особое значение для армянской прозы, потому что сейчас на ее страницах хлынуло огромное количество многорыбных «старцев», мудрых «патриархов», «ревностных» «защитников патриархального покоя», которые и считаются нередко единственными носителями «национального характера».

И что еще важно отметить: нет в образах героев А. Секоян нарушения реалистического воспроизведения жизни, автору чужда точка зрения «идеального героя». А этот пережиток догматического понимания «геройности» — не будем скрывать — тоже дает о себе знать. Советский человек, рассуждая от приверженцы такой точки зрения, является носителем высоких качеств и добродетелей, следовательно, каждый его шаг, каждое решение и действие этим уже предопределены. Молодому писателю В. Петросяну принадлежит эпизод «Утес на берегу моря». ...После морского боя вместе с «трупами и обломками» волнами выброшен на берег потерявший сознание матрос, который, «придя в себя», отказывается идти в госпиталь. Почему? «Матрос не имеет права умирать на суше... Море — его жизнь, море должно быть и его могилкой». Не помогают и увещания военного врача. «Героический дух» раненого матроса так и сверкает в его глазах. «В них были блеск холодной стали и чистота утреннего неба, кровь и месть и священная клятва перед мгилами». Что во всем этом общего с подлинным героизмом? Это же просто крайняя неестественность! Разве бы матрос перестал быть героем,

если бы его, потерявшего сознание и истекающего кровью, доставили в госпиталь, чтобы затем он вновь вернулся в строй?

Некоторые писатели как бы возводят искусственные стены между будничным и героическим, одно противопоставляют другому. Они не видят подлинно героического в повседневной борьбе наших людей, а ищут чего-то внешне эффектного, а по существу обедняющего идею величия советского человека.

Крайности, как известно, сходятся. Одна из основных причин появления таких помпезно-неестественных «героев» — узость взгляда писателя, то есть то же самое, что и в случае с натуралистической «первоточинкой».

ПРОБЛЕМА создания полноправного образа современного героя — сегодняшним образом связана проблема конфликта. Марксистская эстетика дает глубокое объяснение эстетическому значению конфликта для художественного произведения (вспомним известные письма Маркса и Энгельса по поводу трагедии Лессаля «Франц Фой Зиккинген»). Конфликт в произведении искусства есть отражение борьбы, имеющей место в действительности, есть воспроизведение (через судьбы личности) общественных противоречий и есть также выражение позиции, занимаемой автором в борьбе этих противоречий.

В некоторых произведениях сегодняшней армянской прозы сама сюжетная основа конфликта настолько неопределена, настолько шатка, что вместо действительной борьбы мы видим борьбу мнимую. После интересного, признанного читателями романа «Тегеран» Гарегин Севунц опубликовал в полой обработке первую часть романа «Жизнь на крыльях». Роман остался «незамеченным». Отдельные удачные места не спасли. Причина этого успеха заключается, на мой взгляд, в том, что в центре произведения, посвященного жизни нефтяников Баку, поставлен студент Журналиста — отвлеченный элемент и всем остальным персонажам хорошо известный пролог. Сурьезной борьбы двух групп героев — положительных и отрицательных — в романе нет. А для серьезной темы нужен серьезный конфликт и — тем самым — серьезный сюжет. Севунц же, так неудачно избравший, по моему, центрального, «осевого» героя, срывает его часто в бытописание, вместо противоречий эпохи дает неглубокие «комментарские» замечания.

Говоря о конфликте и героях, об их взаимоотношениях, нельзя не заметить одного примитивного сюжетного приема, настолько распространенного сейчас в книгах наших писателей, что он становится прямо-таки универсальным. Речь идет о фальшивках и антимониях психиках. Дело не только в том, что прием этот неоднократно повторяется, создает ощущение скучного однообразия. Главное в том, что злоупотребление им сводит сюжеты произведений, в конце концов, к «истории фальшивки», не более того, словно авторы, вялая героев за руки, везут их в судебные органы вынести, какая из сторон права. Но разве литература — это криминалистика? Давайте же нам, товарищи писатели, серьезные психологические, идейные столкновения!

В эти замечания мы остановились на некоторых отрицательных сторонах армянской прозы. Эти мы, разумеется, вовсе не намерены перечеркивать те художественные ценности, которые создали армянские прозаики.

Как всегда, так и в настоящий период армянская литература в целом развивается под знаком более глубокого изучения жизни народа. Наши писатели стремятся быть ближе к жизни, к волнующим событиями времени, создавать книги, способствующие истинно нашим людям, утверждающие высокие социалистические идеалы.

Многонациональная советская литература развивается на путях социалистического реализма. А это путь все более углубляющихся связей писателей с жизнью. Смотреть на искусство, как на активного участника жизни, искать источник творческого вдохновения в думах и чувствах людей нашего времени — вот что нужно нам всем, писателям, критикам, литературоведам.

любованием тремя друзьями. Начинается веселый и полный интриги конфликт из-за места под черноморским солнцем, конфликт, который (как и положено водевиллю) счастливо кончается завязкой любовных отношений между спорящими сторонами.

«Динари» рассказывает о отбыве советских людей, об их жизнерадостности, о том, что и на отдыхе, «отключаясь» от привычных забот, от «цивилизации», советские люди продолжают жить интересами своего дела, мечтами о будущем.

Лучшей актерской работой в этом спектакле, бесспорно, является Любешкин — Г. Вицин. Исполнение актёра произведено талантом, находчивостью, остроумием. Он органически живет по законам водевиля. Гораздо слабее удалась театру женские роли. Водевиль Любешкин быстрый, стремительный, неудержимый темп развития действия. Однако С. Павлова и В. Васильева очень трудно, не сразу и не полностью включаются в ритм воде-

виля. Может быть, здесь вина не только актера и режиссера, но отчасти и автора пьесы, который недостаточно энергично, недостаточно водевиллю вначале повел линию этих персонажей. В целом же перед зрителем в спектакле «Динари» развешивается остроумное и веселое представление.

Да, это смешной водевилль, водевилль со своими особенностями. Его сельская «дегустирует» проблемами — в нем много не профилированное. Но этот остроумный и веселый спектакль воспитывает добрые и чистые чувства, светлое и радостное мироощущение. Смех — одно из неоценимых богатств народного духа. Так пусть же смех звучит и разливается в жизни, и на сцене! Ни пусть ни театры наши, ни наша критика не будут ханжески суровы, не будут мрачно равнодушны, не будут смеюхобозными, пусть они любят и развивают все виды и жанры комического — от серьезной и глубокой сатиры до жизнерадостного водевиля. Ю. БОРЕВ

«Золотой теленок» на сцене

КАЖДЫЙ раз, когда Московский театр сатиры показывал инсценировку романа Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», зрительный зал затаив дыхание отказывался в Стольком романе и повести, ровесников «Золотого теленка», успели составить и давно уже похорошевшие «в курганах» романы. А произведения Ильфа и Петрова, стоит им появиться на книжном прилавке или же, как сегодня, на театральной афише, привлекают к себе интерес и внимание, хотя иные суровые критики не пренебрежали им долгие годы.

Автор сценической композиции Евгений Весник (он же исполнитель роли Остапа Бендера) и постановщик спектакля Э. Корень рассказали историю веселых приключений заманитора пройдох и комбинатора, своего рода артиста по части комбинаций, не ради самих его приключений. Это был бы слишком простой и облегченный путь. Дело ведь не только в погоне за миллионами, но и в том, какова же реальная ценность денег, добытых Остапом. Даже такой обогатившийся и по выражению Луначарского, «юрной индивидуальности», как Остап, эти миллионы не могли принести ни славы, ни положения, ни власти.

«Сбылись мечты идиота» — так выразительно озаглавлен один из эпизодов спектакля. И действительно, у Остапа нет никаких возможностей ни использовать свои богатства для прибыльных «капитальных вложений», ни с выгодой пустить их «в оборот». Как средство экс-

плуатации человека человеком деньги утратили в советском обществе свою опасную власть. И Евгений Весник в пределах созданного им комедийного образа, пусть более упрощенно, чем это сделано в романе, все же сумел показать не только душевный крах своего героя, но и трагическое положение в нашей стране человека, захотевшего сделаться капиталистом.

К сожалению, новый спектакль Театра сатиры не оправдал всех ожиданий. Так часто бывает: готовишься к встрече с персонажами давно знакомой книги, и вдруг оказывается, что, обретая вторую жизнь в театре или в кино, они понесли огорчительные потери. В этом смысле и «Золотой теленок» разделил судьбу многих инсценировок и экранизаций.

Пожалуй, один из наиболее оцумченных недостатков нового спектакля состоит в том, что на сцене слабо передана эта блестящая, веселая и даже озорственная атмосфера романа. В предисловии к «Золотому теленку» Ильф и Петров с злым юмором вспоминали некоего строгого гражданина, который им назойливо внушал, что «сатира не может быть смешной». Сами авторы тогда же признавались, что хотели написать роман по возможности «веселый». Ведь смех не мешал общению Остапа и всех тех мелких бесов, которые еще вытесны в ногах у строителей нового мира. Думается, что полемические эти строки могли подкрасить театру средства и приемы сценического воплощения одной из самых веселых наших книг.

Беза много эпизодов спектакля не только в их иллюстративности, но и в том, что им как раз не хватает непосредственного веселья. Когда в финале спектакля нас как бы приглашают посетить му-

«СИБИРЬ В СЕМИЛЕТКЕ»

ПОСЛЕ опубликования материалов ноябрьского Пленума ЦК КПСС в коллективе новосибирской писательской организации родилась мысль создать книгу очерков о том, что происходит в Сибири в ближайшее семилетие.

Это предложение было поддержано партийным собранием новосибирских литераторов, которое поручило делегатам Первого учредительного съезда писателей РСФСР во время их пребывания в Москве встретиться с писателями других краев и областей Сибири и пригласить их для участия в создании книги. И вот вскоре после окончания съезда в Москве собрался на совещание писатели Новосибирска, Омска, Красноярска, Якутска, Иркутска, Кемерово, Магадана, Читы.

Все выступившие подчеркивали важность создания художественных очерков о крупнейших новостройках Сибири — научного городка Сибирского отделения Академии наук СССР, транссибирской нефтероса, третьей металлургической базы и других. Очерки об «Алмазной республике» напишут писатели Якутии, о новых стройках — литераторы Иркутска, о золотых приисках — писатели Читы.

Книга «Сибирь в семилетке» будет издана в Новосибирске.

ИЗДАНИЯ КЛАССИКОВ В ЛАТВИИ

ОТВЕЩЕННОСТЬ Латвии не раз обращала внимание на неудовлетворительное издание классиков. Отсутствие единого центра хранения рукописей, пренебрежение текстологической работой приводило зачастую к искажению произведений. Об этом еще в 1955 году писала и «Литературная газета».

С тех пор положение заметно улучшилось. Латгосиздат выпустил тщательно подготовленное собрание сочинений революционного писателя Леонида Пазяле, первые тома собраний сочинений Рудольфа Блаумана и Линарда Лайцена. Однако отсутствие единого текстологического центра по-прежнему давало себя знать. Поэтому с большим удовлетворением научные и литературные круги Латвии приняли весть о

создании в Институте языка и литературы Академии наук республики текстологического сектора. Руководитель — профессор Атис Кенингс.

Разработаны планы работы, которыми предусмотрено подготовить первое полное академическое собрание сочинений великого латышского революционного поэта Яна Райниса. В него впервые войдут многие неизданные произведения поэта.

В 1959 году сектор предполагает также издать первый том избранных сочинений Судраба Эжуса и публикацию (в фотоконпии) первой латышской самостоятельной газеты «Петербургская авиация» («Петербургская газета», 1862—1865).

РИГА. (Наш корресп.)

твоей работе есть какая-то странность! Ты — я заметил — и талантливым людям, и графоманам пишешь одинаково подробные рецензии.

Консультант по литературному искусству. А как же! Конечно! И должен мотивировать свое мнение...

Консультант по вокальному искусству. Но какие же мотивировки и объяснения, если нет таланта? Так и напиши: нет! Вот и все!

Консультант по литературному искусству. Что ты, что ты! Мы никаких «нет» не пишем! Только человека обидеть.

Консультант по вокальному искусству. Прости, но как же быть? Вводить его в заблуждение? Это, по-моему, лучше? А потом, я не знаю, как у вас в литературе, но у нас, если бы я даже и хотел покрывать душой, то это просто невозможно... Вот приходит ко мне человек, я позволяю его к радио, беру «до», он тоже берет «до»... То есть ему кажется, что он берет... Я ему спокойно говорю: «Нет». Он, конечно, понимает, но иногда переспрашивает: «Что нет? Я так же спокойно отвечаю: «У вас нет голоса». Вот и все! Никаких иллюзий... и никакой обиды. Он надевает шапку и отправляется искать в жизни другой — тоже общественно полезной — работы, но к которой у него будет не только желание, но и способности... Теперь представляю, что я введ бы юному или девушке в заблуждение! Так моего мальчика хватили бы ровно на десять минут! Ну, на день, на два. Ведь на первом же уроке первый же преподаватель обратит бы внимание на это безголосое чудю-юдо! Да как? Да откуда? Да зачем?.. Почему же у вас иначе? Ведь литература — это тоже искусство!

Консультант по литературному искусству. Умеешь читать? Твое «стоже» — предельно! Мы-то и есть искусство! Конечно. Но у нас другое. У нас отсутствует безоговорочное «нет». Сегодня «нет», а завтра может быть «да». Мы знаем случаи даже с некоторыми теперь уже известными литераторами, которые начинали очень средне, невзрачно, а потом, как говорится, «расписывались»... Правда, случаи эти очень редки, обычно «искру божию» сразу же видно...

Консультант по вокальному искусству. Но, тем не менее, именно из-за этих редких случаев вы и пишете свои вежливые рецензии?

Консультант по литературному искусству. Почему вежливые?

Консультант по вокальному искусству. Это, верно, не то слово... Лучше сказать: лукавые... Помните, ты мне это показывал! На двух страницах полное, обстоятельное перечисление пороков рукописи, решительный отказ от нее, а в конце: «Надо дальше работать»... И это получает и талантливый человек, рукопись которого хотя на этот раз и не удалась, но которому, действительно, надо «работать дальше», и то же самое получает человек, лишенный всяких литературных способностей, которому надо немедленно, сейчас же все это прекратить.

Консультант по литературному искусству. Да, но как же иначе? Если рукопись талантлива, я с удовольствием пишу: талантливо. А если нет — я молчу. А вдруг это «Ганц Кюхельгарден»? Ведь даже у Гоголя первая вещь была слабой!

Консультант по вокальному искусству. Да, но первая!..

Консультант по литературному искусству. Это у Гоголя... А у не Гоголя может быть и вторая, и третья...

Консультант по вокальному искусству. И десятая! Да?.. Где же граница? Где, когда ваши терпеливые надежды становятся обманутыми надеждами?

Консультант по литературному искусству. (не сразу). Как тебе сказать...

Консультант по вокальному искусству. Ну, хорошо, ответ: написал ты ты в конце своей рецензии хоть раз, я повторю, хоть раз, о том, что ему товарищу надо остановиться, прекратить свою мнимую литературную деятельность?

Консультант по литературному искусству. Нет, не писал...

Консультант по вокальному искусству. А теперь я тебе задам наивный вопрос: хорошо ли это? И что это: мажорная, прерастающая или просто глупое добродетельное? Неужели же ли вы своими неопределенными рецензиями людей, неспособных в литературе, опять и опять затрачивать силы и время на труд, из которого ничего не выходило и не выйдет? Не следовало бы к этим труженикам относиться действительно добродетельно, действительно с уважением? Ведь это не какие-то второразрядные люди! Нет, эти люди как люди, и среди них, вероятно, немало талантов, но в других областях — в технике, в медицине, в металлургии, в агрономии, в педагогике, в гуманитарных науках и так далее. И если они почему-либо попали не по тому пути, то не долг ли человека, видящего это... я повторяю: видящего это... предупредить (добро, дружески, но решительно!) об их вольном заблуждении?

Артист В. Лепко (Футы), Артист Р. Холодов (Ладимовский), Артист Ю. Сокольников (Шура Балаганов), Артист А. Папанов (Александр Корейко), Артист Е. Весник (Остап Бендер)

Сдвиги в Англии

В ТО ВРЕМЯ как я пишу эти строки, мохн союзественников, протестующих против гонимых, насильно удаляют с ракетных баз в Норфолке. Полиция пытается лишить демонстрантов подрезаний, объясняет, что каждый, кто предоставляет машину или автобус для их перевозки, может быть привлечен к ответственности за участие в заговоре. В демонстрациях протеста принимают непосредственное участие буржуазная интеллигенция, «соединившие христиане» и т. п. Представители этих же групп активно поддерживают «Движение за ядерное разоружение». Участники его организации, в частности, известный поэт в атомный центр Олдермастон.

Правда, еще не вся интеллигенция Англии проявляет такую готовность активно действовать в защиту мира. И все же события минувшего года показывают, что деятели науки и культуры, работающие в самых различных областях, остро сознают необходимость бороться против сползания к войне.

Однако при всех антивоенных настроениях интеллигенции в ее умах существует немало разрозненности и путаницы. А это наносит ущерб силам мира. Характерным примером противоречивости и ограниченности позиции английской буржуазной интеллигенции может служить ее отношение к событиям во Франции. Так, журнал «Нью Стэйтсмен» опубликовал статью, посвященную кризису во Франции. В этих статьях, нередко острого и реалистичного, он показывал, как отсутствие единства в левом лагере катастрофически способствовало наступлению реакции и как мощное движение, направленное на создание народного фронта, могло бы самым решительным образом изменить курс французской политики. Однако этот орган английского общественного мнения не только ни разу не выступил в поддержку народного фронта во Франции, а, напротив, постоянно и открыто выступал против создания такого фронта, что объясняется неизменной резкой враждебностью этого журнала к коммунизму.

На этом примере отчетливо видна двойственность позиция, типичная для либерала, который понимает, каким образом реакция добивается успехов, хочет помешать этим успехам, но стеснен в своих действиях страхом перед рабочим классом, активной преобразующей силой общества, и перед коммунистической партией — авангардом этой общественной силы. Эта внутренняя раздвоенность характерна для английской интеллигенции в начале нового, 1959 года. С одной стороны, действительность предстает сейчас перед ней в гораздо более ясном свете, чем когда-либо. Отрезвляющая и внушающая тревогу ситуация во Франции, все более явная авантюристичность даллессовской политики балансирующая «на грани войны» — эти факторы пробудили серьезную брешь в апатии и безразличии, господствовавших среди интеллигенции с начала «холодной войны».

Немалые успехи уже достигнуты в борьбе за конкретные цели: отказ от атомных испытаний, прекращение производства ядерного оружия. В этой области деятельность интеллигенции в большой мере слалась с широким движением всех трудящихся.

Однако в самом важном вопросе — в единстве действий, без которого самая благородная борьба в защиту мира не может быть успешной, — мы не слишком продвинулись вперед. Результаты этого со всей очевидностью проявились на недавней конференции лейбористской партии. Возмущение народа политикой консерваторов, развязавших войну, которое достигло острого большого накала в период эскадрной авиации, не было использовано правыми лейбористскими

лидерами. Они не попытались понять истоки и характер этого возмущения, опереться на него и реализовать талящиеся в нем огромные возможности.

В момент высадки американских и английских войск в Ливане и Иордании лейбористские лидеры уклонились от прямого и недвусмысленного обращения к нации. Хотя их отношение к проблеме Кипра гораздо более прогрессивно, чем позиция консерваторов, они проявляют в этом вопросе неизменную крайнюю сдержанность и тщательно избегают каких-либо резких, боевых выступлений или действий. И теперь, несмотря на ухудшение экономического положения в Англии, они остаются в стороне от борьбы народных масс, ограничиваясь лишь возгласами в парламенте, как и подобает истам джентльменам.

Что касается английской молодежи, особенно студенчества, то она в значительной мере стихнула с себя свойственную ей ранее апатичность. Наша молодежь вновь обретает сейчас боевой дух, который был характерен для антифашистской интеллигенции 30-х годов. Однако стремления ее глушатся и омертвляются. Сейчас нам больше всего нужна вохлывающая идея единого фронта в борьбе за мир.

Что же сказать о перспективах 1959 года? Все элементы успешного сопротивления реакции и на внутреннем, и на международном фронте сейчас налицо. Вопрос заключается в том, каким образом можно будет быстро и до конца объединить их в единое мощное движение. Я уже указывал, что руководство лейбористской партии и близкие к ней группы, которые все еще господствуют в среде интеллигенции, активно противодействуют созданию такого движения.

В минувшем году происходили сильные волнения в рядах рабочего класса, интерес которого неоднократно предавался руководством тред-юнионов. В связи с общим ухудшением экономического положения боевой дух рабочего класса в 1959 году, несомненно, возрастет. А боевой дух рабочего класса является одной из тех сил, которые помогут интеллигенции преодолеть разрозненность в своей среде.

Если взять положение дел в целом, то мы можем с большим оптимизмом думать о ближайшем будущем. Я напоминаю демонстрацию и митинг в защиту мира, происшедшие в маленьком эссекском городке Котгесхолле в день высадки английских войск в Иорданию. Мне довелось участвовать в этой манифестации. Около 80 человек прошли по улицам города и устроили митинг на рыночной площади. Викарий и депутат лейбористской партии от местного избирательного округа очень резко выступили против акции в Иордании и призвали к сплоченным действиям. Только один из собравшихся на площади слушателей вел себя враждебно. Все мы чувствовали в тот момент, какие глубинные источники доброй воли раскрываются в народе, если только находится смелые, не ищущие на компромиссы руководители.

В народе зреет глубокий, мощный протест против социального и политического тупика, в который завело страну ее нынешнее руководство. Необходима большая гибкость и чуткость для того, чтобы создать единый фронт всех прогрессивных сил: требуется абсолютно реалистическая оценка всего, что происходит в нашей стране и во всем мире. Однако при всех существующих трудностях у нас есть твердые основания надеяться, что в 1959 году мы сделаем многое для сплочения всей нации.

Английские интеллигенты знают: 1959 год будет решающим годом, и мы полны надежд на то, что этот год окажется свидетелем активных действий всего народа Англии в защиту мира.

Закономерный финал

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ нового, 1959 года на аэродроме города Сьюдад-Трухилья (Доминиканская республика) приземлился самолет, державший путь из Кубы. На бетонную дорожку по трапу спустились 40 пассажиров — шайка политических бандитов, кровопийц, терзавших в течение ряда лет многострадальный народ Кубы и, наконец, вылетевших, как пробка из бутылки, под могучим напором народного гнева. Кучку беглецов возглавлял не кто иной, как диктатор Фульхенсио Батиста.

Итак свершилось! Народное восстание смело режим американской марионетки. Вся мировая печать полна сообщений о бегстве банкротившегося диктатора, хотя в этом событии нет ровным счетом ничего сенсационного. Иного и быть не могло: это закономерный финал карьеры американского ставленника, давшего и душливший свободу и права кубинского народа.

Убегая, Батиста еще пытался маневрировать. Перед отлетом он передал власть военной хунте, возглавляемой генералом Эулохио Кантилио. Временным президентом он назначил члена Верховного суда Карлоса Пьерра. План передачи власти хунте был разработан при непосредственном участии госдепартамента США, пытавшегося сохранить таким образом режим Батисты без самого Батисты. Генерал Кантилио, заклятый враг повстанцев, заговорил медоточивым языком о необходимости «положить конец братоубийственной войне».

Но повстанцы не для того проливали свою кровь, чтобы остановиться на полпути. Их не обманули попытки хунты захватить власть. «Военные операции против хунты будут продолжаться. Победа революции должна быть полной», — заявил руководитель повстанцев Фидель Кастро.

События на Кубе развиваются со стремительной быстротой. Тысячи людей вышли на улицы и площади столицы страны — Гаваны. Повсюду в столице развеваются красные с черным флаги повстанцев. По сообщению лондонского радио, повстанцы захватили командование вооруженными силами в Гаване и в самом ближайшем будущем ожидается прибытие в город Фиделя Кастро. Оставленная Батистой военная хунта в течение нескольких часов потеряла всякую власть. Члены ее разбежались к кубе.

— Мы намерены сформировать подлинно представительное демократическое правительство, — сообщил Кастро корреспондентам. Как передает агентство Юнайтед Пресс интернейшнл, в Гаване повстанцами провозглашено новое правительство во главе с временным президентом Мануэлем Уррутиа.

«Не помогло Батисте ни английское оружие, ни американское военное снаряжение, тайно поставлявшееся ему через Доминиканскую республику и Никарагуа. Нужно ли говорить об унынии, воцарившемся в вашигтонских канцеляриях после получения известия о крахе Батисты. «Вашигтон» недоволен захватом власти повстанцами», — скупо констатирует «Нью-Йорк таймс».

Еще бы! Ведь за американскую поддержку Батиста так щедро расплачивался национальными богатствами страны. И вот народ положил конец постыдной карьере торговца родиной. Заслуженный конец!

Капитализм — безработному: — Доверьтесь мне с моим многолетним опытом: к бездельничанью меня привыкаешь. Рис. Рига из французского еженедельника «Франс чикет».

1958 год ознаменовался усилением борьбы английского народа против превращения страны в американскую ракетную базу. Возникшая в начале прошлого года организация «Движение за ядерное разоружение» создала сеть местных комитетов по всей Англии. Вряд ли найдется такой английский город, где бы эта организация не устраивала митинги и демонстрации в защиту мира. На снимке: полиция разгоняет участников демонстрации протеста против строительства ракетной базы в Морт-Пенкентхе (графство Норфолк).

Балансировать или соревноваться

М И Н У В Ш И М летом, когда я находился в Москве, одним из излюбленных мест моих прогулок была Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

Нередко смотрел я не на экспонаты — с ними я уже ознакомился, а больше интересовался людьми. Чаще всего — инструкторами, которых легко узнать, в особенности — американцами.

В Москве было великое множество американских туристов: сотни, а может, и тысячи. В гостинице я жил с ними на одном этаже, спускался вместе в лифте, ходил есть мороженое в одно и то же кафе.

Кроме группы университетских профессоров и других интеллигентов, большинство американцев принадлежало к среднему слою буржуазии, к числу тех удачливых и преуспевающих деловых, которые могут позволить себе роскошь такой семейной поездки. Заслуживая внимания уже один тот факт, что эти люди предпочли сами познаться с Советским Союзом, вместо того чтобы черпать из мутного потока «информации», то есть лжи и клеветы.

Если американец едет в Москву, ясно: он что-то задумал. За этим «что-то» могут скрываться намерения дружественные или враждебные, добрые или злые, но можно всегда с уверенностью сказать, что это не обычная развлекательная поездка. Пусть за этим кроется лишь одно: стремление познать Советский Союз, и представлять собой Советский Союз. И пусть гость из Америки тащит за собой тяжелый груз предубеждений и предвзятых мнений, все же одного этого стремления достаточно для того, чтобы такой турист стал объектом невольного, но пристального внимания писателя.

И я день за днем испытывал тайную радость от того, что мог незаметно наблюдать за этими путешественниками из страны «большого бизнеса», наблюдая за ними в советской атмосфере, среди советских людей.

Мой первый наблюдательный пункт был в павильоне науки — там, где стоит лишь протянуть руку, чтобы незаметно дотронуться до моделей спутника 1, спутника 2, спутника 3, где такие интересные модели ракет...

И вот теперь фабрикант из Чикаго или землевладелец из Айовы стоит перед этими сверкающими сложными приборами, за которыми не сегодня-завтра могут последовать в космос еще более совершенные «продвинутки».

Мой вторым наблюдательным пунктом был «атомный» павильон, тот самый, куда можно попасть, лишь простояв изрядное время в длинной очереди, исключение допускается только для ино-

Жизнь против схемы

К О Г Д А Т О Лу Синь предупреждал деятелей искусства об опасности оказаться «под стеклянным колпаком». Эта опасность, писал Лу Синь, грозит художнику, если он отрывается от той животворной почвы, которая питает подлинное искусство, порывает связь с народом, перестает слушать его...

Как известно, буржуазные правые элементы вели ожесточенные атаки на Компартию Китая, на социалистический строй. Острые формы приняла борьба в литературе и искусстве. Правые элементы и ревизионисты выступили против служения литературы и искусства рабочим, крестьянам и солдатам, против партийного руководства литературой и искусством, против социалистического реализма. В идеологической борьбе потерпели крах и были разоблачены ревизионистские взгляды в области критики и литературоведения и с новой силой утвердился социалистический реализм как самый передовой творческий метод.

Но ревизионистские тенденции проявились не только в области теории. Один из ведущих китайских ревизионистов Цинь Чжао-ян, а вслед за ним, словно панурого в своем, ряд молодых литераторов привнес в своих произведениях очернять социалистическую действительность. Молодой литератор Лю Шао-тан заявил, что не следует показывать жизнь в ее революционном развитии, так как тогда писатель якобы не может быть верным фактам и правдиво отражать современность.

Не замечая, а вернее, не желая замечать громадных успехов, достигнутых китайским народом под руководством партии, писатели-ревизионисты стали походить на лягушку из древней китайской притчи, на ту самую лягушку, которая, сидя на дне колодца, утверждала, что и небо-то не больше клочка, видно из колодца.

Прикрываясь маской борцов с недостатками, авторы этих произведений широко пользовались недомолвками и намеками, стремились убедить читателя, что дело далеко не в одних отрицательных персонажах. Яд их перьев был направлен, как замечает критик Ли Си-фань, против партийной среды. Под видом борьбы со схемой и шаблоном

в Китае и у нас, в Советском Союзе, книгой «Битва за Яньань».

Ду Пен-чэн далек от изображения идиллических картин. По образному выражению критика Чжао Хуа, автор не поет убаюкивающих песен и не рисует пейзаж со спящей кошкой, глядя в окошко. Он лепит свои образы из лепки, смешанной с потом и кровью.

Иванов, паровозный автором — это брызжащая искрами плавильная печь, горнило, где закалилась сталь.

...Попав в новые, необычные для него, только что снвышшего военного форму, человек, коммунист, прямо и выразительно несколько растерялся. Каждый шаг на строительстве дается ему ценой большого напряжения всех сил. Здесь, на мирной стройке, свои трудности. Автор ясно показывает, как формируются новые качества характера Янь Сина, руководителя, многими нитями связанного с коллективом.

Ду Пен-чэн видит трудности и не боится их показывать, — ведь в эпоху великих свершений, когда на земле Китая многое создается вновь, трудности неизбежны. Это хорошо понимает и сам Янь Син. «В короткий срок», — говорит он, — мы должны совершить дела, на которые другим понадобились бы сотни лет».

Повесть Ду Пен-чэна создавалась по горячим следам событий. Ее полемическая направленность бросается в глаза. Сам автор в послесловии пишет: он хотел бы, чтобы повесть стала клинком, разящим правых элементов.

В произведениях на историко-революционную тему мы также встречаем образ бойца-коммуниста. Таковы, скажем, смелый, наделенный незаурядным умом, волевой солдат Ян Цзычун из романа «Через тайгу и снежные равнины»; командир полка в романе «Красное солнце» Лю Шань, выстоявший в зрелом военачальника.

Чем объясняется успех этих книг у читателей? Произведения этого жанра свойственна одна общая черта: авторы хорошо знают то, что описывают. Книги эти до краев полны жизнью, а поэтому далеки от схематизма и абстрактности. Жизненность, активность утверждения нового увлекают и захватывают читателей.

Курьезным анахронизмом звучит сегодня древнее китайское выражение, что ученый литератор, «не покидая дома, знает, что творится в Поднебесье».